

АТОМНЫЙ ЛЁД

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ

Евгений Павлов

Атомный лёд

«Автор»

2026

Павлов Е.

Атомный лёд / Е. Павлов — «Автор», 2026

2026 год. Студент-практикант Денис приезжает в Мурманск, чтобы пройти практику на атомном ледоколе. Здесь он знакомится с Иваном Петровичем — старым механиком, который полвека отдал Северу. Вместе они пытаются спасти от списания ледокол «Малахит», используя архивные чертежи шестидесятых годов и современный 3D-принтер. Это рассказ про романтику Севера, связь поколений и инженерные задачи. Памяти инженеров Арктики — тех, кто строил, тех, кто чинил, и тех, кто придёт завтра.

© Павлов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0. Мичман 1968	5
Глава 1. Последний поезд на Север	8
Глава 2. Кольский залив	13
Глава 3. Старый механик	18
Глава 4. Малахит	24
Глава 5. Стена памяти	30
Глава 6. Тетрадь Дорониной	37
Глава 7. Визит начальства	43
Глава 8. Знакомство с Алисой	50
Глава 9. Решение	58
Глава 10. Склад. Находка	62
Глава 11. Первая неудача	68
Глав	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Атомный лёд

Глава 0. Мичман 1968

СЦЕНА 1

ИНТ. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ – НОЧЬ – 1968 ГОД

Комната пропахла махоркой и остывшим чаем. На стене – вырезка из журнала «Огонёк» с Юрием Гагариным. На тумбочке – потертый «Зенит-Е».

КОЛЯ (20 лет, сосредоточенный, с хитринкой в глазах) перематывает плёнку. Рядом ВАСЯ (20 лет, энергичный, с вечной улыбкой) вертит в руках обычный гвоздь, подбрасывает его, ловит.

ВАСЯ

Гвоздь – он прочнее краски. Краска через десять лет облупится, а гвоздь царапину навеки оставит. На века, Коля.

КОЛЯ

(не отрываясь от фотоаппарата)

На века... Ты сначала лодку построй, Мичман.

ВАСЯ

А я не лодку. Я – имя. Чтобы помнили.

Вася надевает бушлат, засовывает гвоздь в карман. Коля кладёт «Зенит» в чехол, вешает на плечо.

СЦЕНА 2

НАТ. СУДОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД. НОВЫЙ ДОК – НОЧЬ – 1968 ГОД

Холод пробирает до костей. Где-то вдалеке грохочет металл – ночная смена не спит. Над заливом – низкое, тяжёлое небо. Огни порта отражаются в чёрной, маслянистой воде.

Вася и Коля пробираются вдоль стены нового дока. Свежий бетон, пахнет известью и морем. Вася находит ровное место, достаёт гвоздь.

КОЛЯ

(шёпотом, оглядываясь)

Давай быстрее, пока патруль не пришёл.

Вася с силой ведёт гвоздём по бетону. Резкий, скрежещущий ЗВУК разрывает тишину. Выступают буквы: «МИЧМАН 1968».

Коля отступает на шаг, поднимает «Зенит». Ловит кадр в видоискателе.

ВАСЯ

(рисую, не оборачиваясь)

А ты чего снимаешь? Темнота же. Не возьмёт плёнка.

КОЛЯ

Не твоего ума дело. Замри.

Вася застывает, улыбаясь во весь рот. В этот момент Коля замечает что-то за спиной Васи. Его лицо меняется. Он опускает фотоаппарат.

КОЛЯ

(поражённо)

Вась... Гляди.

Вася оборачивается.

Над заливом, над кранами, над ржавыми баржами начинает разгораться СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. Сначала слабое, зеленоватое, оно быстро наливается цветом, пульсирует, переливается фиолетовым, танцует в чёрном небе.

Они стоят, задрав головы. Слышен только ветер и высокий, едва уловимый СВИСТ – голос сияния.

Вася выдыхает.

ВАСЯ

(тихо)

Ну надо же... Прямо в точку.

Коля судорожно вскидывает «Зенит», щёлкает затвором. Звук ЩЕЛЧКА совпадает с самой яркой вспышкой сияния.

КОЛЯ

(смотрит на фотоаппарат, потом на небо)

Чёрт. Не возьмёт же...

ВАСЯ

(кладёт руку ему на плечо)

Брось. Через пятьдесят лет кто-нибудь приедет с новой камерой – поймает. Обязательно поймает. Пошли, замёрзнем.

Вася прячет гвоздь в карман, запахивает бушлат. Они уходят вдоль стены, их фигуры растворяются в темноте.

СЦЕНА 3

НАТ. СТЕНА ДОКА / ТЕГ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Сияние разгорается всё ярче. Его свет падает на свежую надпись на бетоне: «МИЧМАН 1968». Буквы будто светятся изнутри.

Камера медленно наезжает на надпись. Звук ветра и далёкого, низкого ГУДКА ледокола, уходящего в море.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

НА ТИТРАХ:

Звук: царапание гвоздя по бетону, щелчок затвора, нарастающий гул ветра, переходящий в...

СЦЕНА 4

ИНТ. ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН – ДЕНЬ – 2026 ГОД

...стук колёс поезда. Монотонный, усыпляющий. За мутным, обледеневшим стеклом – бесконечные заснеженные сосны, уходящие в серое небо.

ДЕНИС(22 года), в наушниках, сидит у окна. Его взгляд расфокусирован. Рядом на столике – банка тушёнки советского образца.

Рука Дениса машинально тянется к рюкзаку на коленях. Он нащупывает внутри что-то твёрдое, прямоугольное – старый фотоаппарат.

Взгляд в окно. Сияния нет. Только снег, сосны и стук колёс.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 1. Последний поезд на Север

СЦЕНА 1

ИНТ. ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН – ДЕНЬ

Монотонный СТУК КОЛЁС. Ритмичный, усыпляющий, гипнотический.

За мутным, обледеневшим по краям стеклом – бесконечные заснеженные сосны. Они уходят в серое, плоское небо и сливаются с горизонтом. Пейзаж не меняется часами.

Крупно: рука ДЕНИСА (22 года) лежит на откидном столике. На указательном пальце – следы зелёной краски, въевшейся в кожу.

Денис сидит у окна в наушниках. Дорогие, шумоподавляющие. В них тишина – музыки нет. Он просто отгородился от мира.

Взгляд Дениса расфокусирован. Он смотрит на сосны, но не видит их. Видит что-то другое. Внутреннее.

Рядом с его рукой – банка тушёнки. Советский ГОСТ, коричневая этикетка, жирные буквы. Странный груз для двадцатидвухлетнего.

ЗВУК ТЕЛЕФОНА(вибрация) пробивается сквозь наушники.

Денис нехотя достаёт смартфон. Экран залипает на морозе, но в вагоне тепло. На экране: «МАМА».

Он проводит пальцем, принимая вызов. Не говорит ни слова, просто слушает.

ГОЛОС МАМЫ (В НАУШНИКАХ)

(далёкий, с лёгким эхом, как из другой жизни)

Денис, ты как? Не замёрз? Там говорят, в Мурманске под сорок будет.

Денис молчит. Смотрит на сосны.

ГОЛОС МАМЫ

Денис. Ты меня слышишь?

ДЕНИС

(без выражения)

Слышу.

ГОЛОС МАМЫ

Ты тушёнку не забудь. Дед всегда её брал, когда на Север ехал. Говорил, без неё нельзя. Положил?

Денис переводит взгляд на банку. Берёт её в руку. Тяжёлая.

ДЕНИС

Лежит.

ГОЛОС МАМЫ

И фотоаппарат не потеряй. Я его в боковой карман положила, в поролон завернула. Дед им так дорожил...

Денис машинально трогает рюкзак на коленях. Нашупывает твёрдый прямоугольник «Зенита», завернутого в тряпку. Рядом – ещё что-то твёрдое, с острыми краями. Недокрашенная фигурка космодесантника из варгейма.

ДЕНИС

Не потеряю.

ГОЛОС МАМЫ

Ты это... Держись там. Если что – сразу звони. Я на работе буду, но ты звони. И деду привет передай. Мысленно. Если дойдёшь до того места.

Денис закрывает глаза. Сжимает челюсть.

ГОЛОС МАМЫ

Денис?

ДЕНИС

Всё, мам. Перезвоню.

Он сбрасывает звонок. Снимает наушники. Врывается СТУК КОЛЁС – громкий, почти агрессивный.

СЦЕНА 2

ИНТ. ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН – ЧУТЬ ПОЗЖЕ

Денис сидит в той же позе. Перед ним на столике – открытый ноутбук. На экране – лента новостей.

КРУПНО: ЭКРАН ТЕЛЕФОНА (вставка)

* Заголовок 1: «Ледоколы "Сибирь" и "Мурманск" срочно переброшены на Балтику из-за аномальных холодов в Европе».

* Заголовок 2: «Арктика оголяется: Севморпуть теряет ледовый щит быстрее прогнозов».

* Заголовок 3: «"Росатом" подтвердил планы строительства нового дока в Турции за 5 миллиардов рублей».

Денис листает ленту пальцем. Безучастно. Останавливается на фотографии ледокола, пробивающего лёд. Чёрный корпус, красная полоса, флаг на корме.

Смотрит секунду. Перелистывает дальше. Мем с котом. Лайкает.

ЗА КАДРОМ (ГОЛОС ПОПУТЧИКА)

К Северу, парень?

Денис поднимает глаза. Напротив, на нижней полке, сидит мужик лет пятидесяти, в растянутом свитере, с удочками в чехле. Смотрит на рюкзак Дениса, на банку тушёнки.

ПОПУТЧИК

(кивает на тушёнку)

Я таких банок лет двадцать не видел. У вас, молодых, теперь всё в вакуумных пакетах. А это – по-нашему, по-северному. На ледоколах такую ели.

Денис смотрит на банку. Молчит.

ПОПУТЧИК

Сам откуда? Питер? Москва?

ДЕНИС

(коротко)

Москва.

ПОПУТЧИК

И чего тебя в Мурманск понесло? В такую даль? По работе?

Денис снова смотрит в окно. Сосны. Снег. Бесконечность.

ДЕНИС

Практика.

ПОПУТЧИК

(с интересом)

На флот? Молодец. Дело хорошее. Я сам двадцать лет на траулере отходил. Треску ловили. Помню, в девяносто первом...

Попутчик начинает рассказывать. Денис не слушает. Он снова надевает наушники. В них – тишина.

Попутчик говорит беззвучно, жестикулирует. Денис кивает в такт своим мыслям.

КРУПНО: ГЛАЗА ДЕНИСА.

В них отражается мелькание сосен за окном. Бесконечное, утомительное, застывшее время.

СЦЕНА 3

ИНТ. ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН – ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Вагон погружён в полумрак. Синий свет ночников. Кто-то храпит. Кто-то ворочается.

Денис не спит. Сидит в той же позе у окна. Наушники сняты. Он смотрит в темноту за стеклом. Там ничего не видно – только собственное отражение, наложенное на чёрную пустоту.

Он смотрит на своё отражение. Худое лицо, щетина, усталые глаза.

Рука сама тянется к рюкзаку. Расстёгивает молнию. Нашупывает тряпку, разворачивает.

В руках – «Зенит-Е». Старый, потёртый, с царапинами на корпусе. Объектив поблёскивает в синем свете.

Денис крутит колёсико выдержки. Чувствует пальцами механику – тугую, надёжную, живую.

Подносит фотоаппарат к глазам. Смотрит в видоискатель. В нём – только мутное стекло и темнота.

ДЕНИС

(шёпотом, сам себе)

Не возьмёт...

Он убирает «Зенит» обратно в рюкзак. Пальцы натыкаются на что-то холодное, металлическое.

Он достаёт это. Фигурка космодесантника. Недокрашенная. Половина брони в цвете, половина – серая грунтовка.

Денис смотрит на неё. Проводит пальцем по неокрашенному наплечнику.

Поезд вздрагивает на стыке. Фигурка падает на столик. Денис не поднимает её.

Он снова смотрит в окно. На своё отражение.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА 4

НАТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ, МУРМАНСК – УТРО

Денис выходит из вагона на платформу.

ВЕТЕР. Такой силы, что перехватывает дыхание. Он бьёт в лицо, выжимает слёзы, проникает под куртку, под свитер, под кожу.

Денис застывает на секунду, ослепнув от ветра. Делает вдох – и воздух обжигает лёгкие.

Вокзал. Сталинская архитектура, тёмный камень. На привокзальной площади – памятник: женщина с ребёнком, всматривающаяся в море. «Ждушая». Вся в снегу.

За ней – сопки. Чёрные, с белыми шапками. А между ними – море. Серое, тяжёлое, с чёрной водой.

Крики ЧАЕК. Резкие, пронзительные, как сигнал тревоги.

Пахнет солярой, рыбой, железом и чем-то ещё, неуловимым – Севером.

Денис стоит на платформе один. Пассажиры быстро расходятся, садятся в такси, в автобусы. А он стоит.

В руке – банка тушёнки. Он даже не заметил, как достал её из рюкзака.

Смотрит на банку. Потом на сопки. Потом на море.

КРУПНО: ЛИЦО ДЕНИСА.

Ветер треплет волосы. Глаза щурятся. В них – не цинизм уже. И не отчуждение. В них – вопрос.

Он здесь. Он доехал.

МЕДЛЕННЫЙ НАЕЗДна памятник «Ждущей». Женщина смотрит в море. Ждёт.

Где-то в порту ГУДИТ ледакол. Низко, протяжно, тревожно.

Денис оборачивается на звук.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 2. Кольский залив

СЦЕНА 1

НАТ. ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ, МУРМАНСК – УТРО

Денис стоит на том же месте, где мы его оставили. Ветер продолжает испытывать его на прочность.

Он наконец прячет банку тушёнки в рюкзак, застёгивает молнию. Оглядывается.

Площадь живёт своей жизнью. Люди в тёплых куртках, с жёсткими, обветренными лицами, быстро проходят мимо, не глядя по сторонам. Они знают, куда идут. Здесь никто не глазееет по сторонам.

К нему подруливают старые «Жигули» с шашечками на боку – ржавые, но на ходу. Из приоткрытого окна валит пар.

ТАКСИСТ (50 лет, усталые глаза, шапка-ушанка набекрень)

(кричит сквозь ветер)

Куда, командир?

Денис подходит, садится на переднее сиденье. Хлопает дверью.

В машине тепло. Пахнет бензином, сигаретами и самим таксистом.

ТАКСИСТ

(не оборачиваясь, трогаясь с места)

Куда едем?

ДЕНИС

«Атомфлот». Проходная.

Таксист бросает быстрый взгляд на Дениса. Окидывает его тонкую куртку, наушники на шее, городские ботинки.

ТАКСИСТ

(коротко хмыкает)

Практикант?

ДЕНИС

Ага.

ТАКСИСТ

Много вас таких едет. Весной обратно меньше возвращается.

Денис молчит. Смотрит в окно.

СЦЕНА 2

НАТ. ДОРОГА ВДОЛЬ ЗАЛИВА – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Машина петляет по дороге, врезанной в сопку. С одной стороны – скала, с другой – обрыв и залив.

ЗАЛИВ. Чёрный, тяжёлый, с белыми пятнами льда, которые трутся друг о друга. Вода дышит – медленно, тяжело, как живое существо.

На противоположном берегу – город. Разноцветные пятиэтажки, вросшие в скалы. Дым из труб стелется низко, прижимается к земле.

ДЕНИС (в машине) смотрит на залив. Стекло запотеваает, он проводит по нему рукой – и залив становится чётче.

ТАКСИСТ

(кивая на залив)

Красиво, да? Я тут тридцать лет живу – каждый день смотрю и не насмотрюсь. А приезжие говорят – мрачно. Не понимают.

Денис молчит.

ТАКСИСТ

Ты не местный, сразу видно. У вас там всё яркое, цветастое. А здесь – север. Тут главное – не цвет, а свет. Когда солнце выходит – это как... ну ты поймёшь, если повезёт.

Машина проезжает мимо кладбища кораблей. Вдоль берега стоят ржавые остовы судов – одни скелеты, торчат из воды. Шпангоуты, рёбра, обломки мачт. В лучах низкого солнца (если его можно так назвать) они отбрасывают длинные тени на лёд.

Денис смотрит на них. В глазах – не цинизм даже, а отстранённое любопытство антрополога.

Он машинально достаёт телефон, щёлкает ржавый остов через стекло. Снимок получается мутным, с бликами.

ДЕНИС

(себе под нос)

Здесь время правда остановилось. Или сдохло.

ТАКСИСТ

(услышав)

Оно не сдохло. Оно просто другое. Медленное. Тут каждый гвоздь лет сто лежать может и не сгнить. Консервант – холод.

СЦЕНА 3

НАТ. ПРОХОДНАЯ «АТОМФЛОТА» – ДЕНЬ

Машина останавливается у КПП. Высокий забор из сетки, колючая проволока сверху. Будка с суровыми охранниками.

Денис расплачивается, выходит из машины.

Ветер здесь такой же, как на вокзале, – сбивает с ног. Но теперь к нему добавляется ещё что-то: запах СОЛЯРЫ, МАЗУТА, МЕТАЛЛА. И МОРЕ – йод, соль, водоросли, что-то гнилостное и живое одновременно.

Денис подходит к вертушке. Охранник сверяет его паспорт со списком, долго смотрит то в бумагу, то на Дениса.

ОХРАННИК

(сквозь зубы)

Денис... Москва? Практика?

ДЕНИС

Да.

ОХРАННИК

(кивает на рюкзак)

Оружие, взрывчатка, наркотики?

ДЕНИС

(пауза)

Только варгейм.

Охранник смотрит непонимающе. Машет рукой – проходи.

Денис проходит вертушку. Оборачивается.

За ним – город, сопки, серое небо. Перед ним – территория порта.

ПИРСЫ уходят в воду. Бетонные плиты, покрытые слоем льда и кое-где посыпанные песком – бесполезно, песок смешался со льдом и не держит.

У пирсов стоят суда. Огромные, чёрные, с красными ватерлиниями. Надстройки обледенели, сосульки свисают с лееров, как зубы дракона.

КРАНЫ. Портальные, козловые, огромные, как скелеты доисторических животных. Они медленно движутся вдоль пирсов, скрипят на ветру так, что кажется – сейчас рухнут. Но они не рушатся. Они здесь полвека.

ЧАЙКИ орут, носятся над водой, дерутся за что-то у пирса.

Денис стоит, смотрит. Рюкзак на плече, в руке телефон. Он не фотографирует. Просто смотрит.

СЦЕНА 4

НАТ. ПИРС, АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис идёт по пирсу. Под ногами хрустит лёд и песок. Скользко – он идёт осторожно, широко расставляя ноги.

Слева и справа – суда. Рабочие, ржавые, живые и мёртвые.

В конце пирса – ОН.

ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ». Чёрная громада, обледеневшие надстройки, красная полоса ватерлинии, стёртая льдами до металла. Надпись на борту – буквы местами закрыты льдом, читается с трудом: «МАЛАХИТ».

Огромный, тяжёлый, вросший в воду. Из трубы идёт лёгкий пар – реактор работает.

Денис останавливается метрах в тридцати от трапа. Просто смотрит.

Сейчас он маленький. Очень маленький рядом с этой чёрной стеной.

Из чрева ледокола доносится ЗВУК. Низкий, вибрирующий гул. РИТМ-200. Он не слышен ушами – он чувствуется грудной клеткой, костями, зубами. Он проникает внутрь и остаётся там.

Денис поднимает руку к наушникам на шее – машинальный жест. Опускает. Не надевает.

К нему по пирсу идёт человек. Сухой, поджарый, в старом кителе и ушанке. ИВАН ПЕТРОВИЧ (65 лет). Лицо обветренное, морщинистое, но глаза ясные, цепкие, голубые. Руки в карманах, идёт уверенно, не скользит.

Подходит, останавливается рядом. Тоже смотрит на ледокол.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не глядя на Дениса)

Денис?

ДЕНИС

Да.

Пауза. Иван Петрович достаёт папиросу «Беломор», прикуривает от спички (зажигалки нет, только спички). Затягивается. Всё это время смотрит на ледокол.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Красавец, да?

Денис молчит. Не знает, что ответить.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Я его сорок лет знаю. Ещё молодым пришёл, когда он на воду встал. Тогда он новым был, блестял. Теперь вон – лёд его ест. А он стоит.

Смотрит на Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты наушники-тоними. Здесь другие звуки слушать надо.

Денис снимает наушники. Ветер, крики чаек, гул реактора, скрип кранов – всё это обрушивается на него.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Реактор гудит по-другому, когда ему плохо. Сейчас он гудит ровно – значит, живой пока.

Иван Петрович тушит папиросу о подошву, прячет окурочок в спичечный коробок (не бросает на лёд). Поворачивается к Денису.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Пошли. Покажу твоё хозяйство.

Он идёт к трапу. Денис за ним.

На секунду Денис оборачивается. Смотрит на пирс, на краны, на залив, на сопки вдалеке.

Чёрная вода. Белый лёд. Серое небо. Красная полоса на борту ледокола.

Он здесь.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 3. Старый механик

СЦЕНА 1

НАТ. ТЕРРИТОРИЯ СРЗ – ДЕНЬ

Денис идёт за Иваном Петровичем по территории завода. Проходят мимо цехов, штабелей труб, ржавых контейнеров. Иван Петрович идёт быстро, не оборачивается. Денис едва поспевает, скользит на льду.

Они подходят к старому зданию из красного кирпича. Окна высокие, закопчённые, местами забиты фанерой. Крыша под снегом, из трубы идёт лёгкий дымок.

Иван Петрович толкает тяжёлую металлическую дверь. Та открывается с протяжным СКРИПОМ.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Заходи. Не стой на холоде.

СЦЕНА 2

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис переступает порог и застывает.

Высокий сводчатый потолок, закопчённый до черноты. Вдоль стен – верстаки, заваленные железом, тисками, какими-то непонятными деталями. Пахнет МАШИНЫМ МАСЛОМ, МЕТАЛЛОМ и ТАБАКОМ. И ещё чем-то старым, бумажным.

В углу – БУРЖУЙКА. Оранжевое пламя пляшет за дверцей, освещая ближайшие предметы. Рядом поленница дров и стопка старых чертежей – ими растапливают.

На стенах – плакаты по технике безопасности. Женщины в комбинезонах, с гаечными ключами, призывающие беречь энергию. Стиль 70-х. Над верстаком – огромный КАЛЕНДАРЬ 1985 ГОДА. Мисс Мира в купальнике, уголки обгорели, страницы пожелтели. Но висит. Никто не снимает.

ИЗ КРАНА над раковиной КАПАЕТ вода. Ритмично: кап... кап... кап...

Иван Петрович снимает ушанку, вешает на гвоздь. Садится на табурет, жестом указывает Денису на другую – у верстака.

Денис садится. Оглядывается. На стене, на отдельном гвозде, висит КИТЕЛЬ. Старый, промасленный, с медалями. Иван Петрович ловит его взгляд.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(сухо)

Музей. Не обращай внимания.

Денис переводит взгляд на верстак. На нём – микрометры, штангенциркули, банки с гайками, старая лампа на гибкой ноге. И стопка бумаг – чертежи, схемы, растрёпанные папки.

Иван Петрович достаёт папиросу, прикуривает от спички. Смотрит на Дениса в упор. Изучает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ну, рассказывай. Кого прислали?

ДЕНИС

(немного растерянно)

Денис. Москва, четвёртый курс. Корабельные энергетические установки.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(хмыкает)

Корабельные... А на ледоколах когда-нибудь был?

ДЕНИС

Нет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

На море вообще?

ДЕНИС

(пауза)

На Чёрном. В отпуске с родителями.

Иван Петрович молча затягивается. Выдыхает дым в потолок.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Значит, Чёрное море. Там тепло, да? Пляж, девочки, вино.

Денис не знает, что ответить. Кивает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кивая на наушники на шее Дениса)

А это зачем? Музыка?

ДЕНИС

Шумодавы. Чтобы не слышать ничего.

Иван Петрович смотрит на него долгим взглядом. Потом встаёт, подходит к окну. Смотрит на залив, на ледоколы.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

А я всю жизнь слушал. Тут слушать надо. Не ушами – нутром.

Пауза. Только КАПАЕТ вода.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Вот ты на ледокол зайдёшь. Услышишь гул реактора. Думаешь, он просто гудит? Он поразному гудит. Когда спокоен – ровно, когда болен – сбивается. Если научишься слышать – может, инженером станешь.

Он поворачивается к Денису.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

А если не научишься – будешь всю жизнь кнопки нажимать и отчёты писать. Как многие.

Денис чувствует себя нашкодившим курсантом. Хотя ещё ничего не сделал.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(возвращаясь к столу)

Ладно. Две недели у тебя. За это время должен понять, где у ледокола право, а где лево. Не по компасу – по ощущению. Справишься?

ДЕНИС

(неуверенно)

Постараюсь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Постараться мало. Надо сделать. Здесь Север – тут попытки не засчитываются.

СЦЕНА 3

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ЧУТЬ ПОЗЖЕ

Иван Петрович копается в старом шкафу, заваленном папками. Денис сидит, не зная, куда себя деть.

Слышен ДАЛЁКИЙ ЛЯЗГ МЕТАЛЛА – где-то на заводе работают.

Денис встаёт, подходит к стене с плакатами. Разглядывает женщину с гаечным ключом. На плакате надпись: «БЕРЕГИ ЭНЕРГИЮ!»

ДЕНИС

(не оборачиваясь)

А почему календарь 85-го?

Иван Петрович выглядывает из-за шкафа.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

А почему его менять? Время там остановилось или нет?

Денис оборачивается. Иван Петрович смотрит на него с лёгкой усмешкой.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты же сам вчера в машине сказал: «Время здесь остановилось». Таксист рассказал.

Денис смущён. Попался.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ничего. Тут многие так думают поначалу. А потом привыкают и перестают замечать. Это хуже всего – перестать замечать.

Он достаёт из шкафа толстую папку, кладёт на верстак.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Вот. Документация по системе обогрева. Изучай. Завтра пойдём на «Малахит», будешь своими глазами смотреть.

Денис подходит, открывает папку. Схемы, чертежи, спецификации. Для него – китайская грамота пока.

ДЕНИС

А вы давно здесь?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усаживаясь обратно)

Семьдесят пятый год. Пятьдесят лет скоро.

ДЕНИС

(удивлённо)

Пятьдесят лет на одном заводе?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(спокойно)

А чего менять? Работа та же. Ледоколы те же. Люди те же. Ну, почти.

Он затягивается папиросой.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты думаешь, я тут заржавел, как эти корабли в отстойнике? А я каждый день новое узнаю. Вчера вот про ваши 3D-принтеры читал. Думал, игрушки. А оказалось – серьёзная вещь. Если у тебя такой?

Денис кивает. Впервые за разговор чувствует, что может быть полезен.

ДЕНИС

У меня принтер с собой. Небольшой, портативный. И материал есть – РЕЕК называется, до минус шестидесяти держит.

Иван Петрович смотрит с интересом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Поглядим. Но сначала – документация. Без теории практика – пальцем в небо.

Он встаёт, идёт к буржуйке, подкидывает дров. Пламя вспыхивает ярче, тени пляшут на стенах.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Жить будешь здесь, в мастерской. Там, – он кивает в угол, – раскладушка есть. В общении шумно, а тут тихо. И реактор рядом – привыкай к звуку.

Денис смотрит на раскладушку в углу, накрытую старым солдатским одеялом. Потом на календарь 1985 года. Потом на китель с медалями.

Он здесь. По-настоящему.

СЦЕНА 4

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ВЕЧЕР

За окном темнеет. В мастерской горит одна лампа под потолком – жёлтый круг света на верстаке. Буржуйка потрескивает.

Денис сидит над документацией. Схемы расплываются перед глазами – слишком много информации, слишком незнакомо.

Иван Петрович сидит напротив, чинит старый паяльник. Молча. Сосредоточенно.

КАПАЕТ вода из крана.

Денис поднимает глаза. Смотрит на Ивана Петровича. Тот не замечает взгляда – весь в работе.

На стене, рядом с календарём, висит чёрно-белая фотография. Группа людей в форме, на фоне ледокола. Денис вглядывается – лица молодые, улыбающиеся. Кто-то держит вымпел.

ДЕНИС

(осторожно)

А это кто?

Иван Петрович поднимает глаза, смотрит на фотографию.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(пауза)

Это? Друзья. Давно было.

Он возвращается к паяльнику. Не хочет говорить.

Денис понимает – не лезет. Снова утыкается в чертежи.

Тишина. Только КАПЕЛЬ, ТРЕСК ДРОВ и ДАЛЁКИЙ ГУДОК ледокола.

Денис впервые за долгое время не хочет надевать наушники.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА 5

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – НОЧЬ

Денис лежит на раскладушке, укрытый старым кителем (тем самым, с медалями – Иван Петрович накиннул его перед уходом). Не спит.

Смотрит в тёмный потолок. Слушает.

ГУЛ реактора. Едва слышный, но постоянный. Он чувствуется – грудной клеткой, костями.

Ритмичный. Живой.

Где-то далеко ЛЯЗГАЕТ металл.

КАПАЕТ вода.

Денис закрывает глаза. Гул остаётся.

ГОЛОС ИВАНА ПЕТРОВИЧА (ЗА КАДРОМ)

Реактор гудит по-другому, когда ему плохо. Научишься слышать – может, инженером станешь.

Денис открывает глаза. Смотрит в потолок.

На губах – лёгкая, почти незаметная улыбка.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 4. Малахит

СЦЕНА 1

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – УТРО

Серый свет сочится сквозь закопчённые окна. Буржуйка почти потухла – только угли тлеют.

Денис сидит за верстаком, перед ним раскрытая папка с документацией. Глаза красные – он явно не выспался. Рядом кружка с остывшим чаем.

Иван Петрович входит, стряхивая снег с ушанки. Смотрит на Дениса, на папку, на нетронутый чай.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Не спал?

ДЕНИС

(трёт глаза)

Спал. Немного.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(хмыкает)

Вижу. Пошли. Покажешь, что выучил.

Он протягивает Денису тёплую робу – старую, промасленную, но чистую.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Надевай. Своё береги, оно тебе ещё пригодится. А это – рабочее.

Денис натягивает робу. Она велика, рукава длинноваты. Но в ней теплее.

Иван Петрович оглядывает его, кивает – сойдёт.

Выходят.

СЦЕНА 2

НАТ. ПИРС, ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – УТРО

Ветер такой же, как вчера. Но Денис уже не щурится так сильно – привыкает.

Они подходят к трапу. «МАЛАХИТ» нависает над ними чёрной стеной. Лёд на борту, сосульки на леерах. Красная полоса ватерлинии облезлая, с потеками ржавчины.

Иван Петрович идёт по трапу уверенно, не держась за поручни. Денис – осторожно, вцепившись в ледяные перила.

Поднимаются на борт.

ПАЛУБА. Всё покрыто льдом и снегом. Вентиляционные раструбы, лебёдки, люки – всё обледенело, всё чужое, холодное, огромное.

Изнутри доносится ГУЛ. Низкий, вибрирующий. Сейчас он громче, чем в мастерской.

Иван Петрович останавливается, прислушивается. Денис тоже замирает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Слышишь?

Денис кивает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Это РИТМ-200. Сердце. Пока стучит – живём.

Он идёт дальше, к надстройке. Денис за ним.

СЦЕНА 3

ИНТ. ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ», ВНУТРЕННИЕ ПОМЕЩЕНИЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Узкий коридор, крашенный зелёной краской. Трубы вдоль стен, вентили, манометры. Таблички: «РАДИАЦИОННАЯ ОПАСНОСТЬ», «ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ». Старые, советские, с черепами.

ГУЛ здесь сильнее. Он уже не слышен – он чувствуется. Пол вибрирует под ногами.

Проходят мимо открытой двери. Денис заглядывает – там отсек с пультами, зелёные мониторы, красные кнопки. За пультом – МЕХАНИК (40 лет, усталое лицо, мятая роба). Он кивает Ивану Петровичу.

МЕХАНИК

(устало)

Иван Петрович. С практикантом?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ага. Покажи ему, что почём.

Механик окидывает Дениса взглядом. Без интереса.

МЕХАНИК

Пошли.

СЦЕНА 4

ИНТ. ОТСЕК УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБОГРЕВА – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Механик ведёт их в небольшой отсек. Здесь тесно, всё заставлено шкафами с электроникой. В центре – ПУЛЬТ. Экраны, тумблеры, индикация.

И ГОРЯТ КРАСНЫЕ ЛАМПЫ. Не мигают – ровным, тревожным светом. Их много. Целая гирлянда.

Денис смотрит на них. Красивый, почти новогодний красный цвет.

МЕХАНИК

(кивая на лампы)

Система активного обогрева. Греющие маты на углеродных нанотрубках. Встроены в обшивку. Должны держать корпус тёплым, чтобы лёд не намерзал.

Он подходит к пульту, тычет пальцем в экран.

МЕХАНИК

Видишь? Три контура из четырёх не держат давление. На морозе – падение. Микротрещины, видимо. Или расслоение. ХЗ.

ДЕНИС

А почему микротрещины?

Механик смотрит на него с лёгким удивлением – вопрос не от балды.

МЕХАНИК

А кто его знает. Проектировщики говорят – материал не тот. Коэффициент расширения не совпадает со сталью. При минус сорока – разница в микрон, а её хватает, чтоб пошла трещина.

Он отворачивается к Ивану Петровичу, понижает голос. Но Денис слышит.

МЕХАНИК

(тихо, Ивану Петровичу)

Уже месяц колдуем. Начальство рапорт на списание готовит. Говорят, проще новый купить, чем этот геморрой лечить.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(так же тихо)

А сами?

МЕХАНИК

(пожимает плечами)

Сами не тянем. Там, – кивает на пульт, – плата сгорела в усилителе. Заказать не можем – санкции. Варить из того, что есть – колхоз. На месяц хватит, а дальше?

Иван Петрович молчит. Смотрит на красные лампы.

Денис стоит в стороне, делает вид, что изучает пульт. Но слушает внимательно.

СЦЕНА 5

ИНТ. МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Механик ведёт их дальше, в самое сердце – МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Здесь ГУЛ становится всепроникающим. Он не просто слышен – он внутри. Дрожит пол, вибрируют трубы, звенят мелкие детали на панелях.

Турбины, генераторы, насосы. Всё блестит маслом, всё работает, всё живёт своей сложной, непонятной жизнью.

Механик что-то кричит, перекрывая гул, показывает на какой-то агрегат. Денис не слышит – только кивает.

Он смотрит по сторонам, пытаясь впитать, запомнить, понять. Но слишком много всего. Слишком громко. Слишком сложно.

Вдруг он замечает, что Иван Петрович стоит неподвижно, закрыв глаза. Просто стоит и слушает.

Механик тоже замирает, глядя на него.

Денис смотрит на Ивана Петровича. Тот стоит, чуть покачиваясь в такт вибрации. Лицо спокойное, даже блаженное.

Иван Петрович открывает глаза. Ловит взгляд Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кричит, перекрывая гул)
Слышишь?

Денис напрягает слух. Пытается выделить что-то из общего гула.

ДЕНИС

(кричит в ответ)
Гул!

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кивает)
Ровный. Значит, сердце пока здоровое. А вот система обогрева – больная. Лечить надо.

Он хлопает Дениса по плечу – пошли наверх.

СЦЕНА 6

НАТ. ПИРС, ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – ДЕНЬ

Они стоят на пирсе, глядя на ледокол. Гул отсюда слабее, но всё равно чувствуется.

Иван Петрович закуривает «Беломор». Смотрит на красную полосу ватерлинии.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Красавец, да? А спишут. Если не починим.

ДЕНИС

А можно починить?

Иван Петрович долго молчит. Затягивается, выдыхает дым в серое небо.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Ты вчера про свой принтер говорил. Про материал этот... Как его?

ДЕНИС

РЕЕК. Полиэфирэфиркетон. С углеволокном.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Слушай, Денис. Я в этих ваших новых материалах не разбираюсь. Я по старинке привык – металл, сварка, напильник. Но если у тебя есть идея – давай. Потому что больше идей ни у кого нет.

Он поворачивается к Денису. Смотрит в глаза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Только сразу говорю: если что-то пойдёт не так – я старый, мне терять нечего. А ты... ты ничего не знаешь. Если спросят – я заставил. Понял?

Денис кивает. Понимает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Тогда сегодня вечером начинаем. Иди, переодевайся, отдыхай. Ночью работать будем.

Иван Петрович тушит папиросу, уходит по пирсу. Маленькая фигура на фоне огромного ледокола.

Денис остаётся один. Смотрит на «Малахит». На обледеневший борт, на красную полосу, на надпись, читающуюся с трудом.

Слушает гул. Уже не грудной клеткой – просто слушает.

Гул ровный. Сердце пока здоровое.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА 7

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ВЕЧЕР

Денис сидит за верстаком. Перед ним раскрыт ноутбук, на экране – технические характеристики РЕЕК-CF30. Рядом – недокрашенная фигурка космодесантника.

Он смотрит на фигурку. Берёт её в руки, крутит. Проводит пальцем по наплечнику, который так и не докрасил.

Потом переводит взгляд на ноутбук. На характеристики материала.

ГОЛОС МЕХАНИКА (ЗА КАДРОМ)

Коэффициент расширения не совпадает со сталью. При минус сорока – разница в микрон.

Денис смотрит на экран. Находит строку: «КТР (коэффициент теплового расширения) – $2.5 \times 10^{-5} / ^\circ\text{C}$ ».

Потом лезет в интернет, ищет: «КТР стали для судостроения». Находит: « $1.2 \times 10^{-5} / ^\circ\text{C}$ ».

Разница есть. Но не фатальная. Если добавить углеволокно – РЕЕК-CF30 приближается к стали.

Он открывает другой файл – чертёж узла крепления греющего мата, который нашёл в документации. Смотрит, прикидывает.

Рука машинально тянется к фигурке. Он ставит её на стол, рядом с ноутбуком.

Маленький космодесантник смотрит на огромный чертёж.

ДЕНИС

(тихо, сам себе)

Ну что, брат. Попробуем.

Он закрывает ноутбук, ложится на раскладушку, укрывается кителем.

ГУЛ реактора слышен даже здесь.

Денис закрывает глаза.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 5. Стена памяти

СЦЕНА 1

НАТ. ТЕРРИТОРИЯ СРЗ – ДЕНЬ

Денис идёт по территории завода один. В руке – телефон, но он не снимает. Просто идёт, смотрит по сторонам.

Взгляд цепляется за что-то. Он останавливается.

В стороне от основного движения – ЗАБРОШЕННЫЙ ЦЕХ. Кирпичное здание с выбитыми окнами. Торец цеха выходит на пустырь, заваленный ржавыми бочками.

И вся стена в ГРАФФИТИ.

Денис подходит ближе. Разные слои – современные теги, старые надписи краской, и те, что выцарапаны гвоздём прямо по кирпичу.

Он идёт вдоль стены. Останавливается.

Взгляд цепляется за что-то в нижней части, почти у земли. Денис нагибается, смахивает снег.

Старый, выцветший ТЕГ масляной краской:
«МИЧМАН 1968»

Рядом, мельче, нацарапано: **«Вася»**.

Денис смотрит. Просто смотрит. Проводит пальцем по буквам. Краска осыпается под пальцем – старая, сухая, живая.

Достаёт телефон, фотографирует. Крупно, с разных ракурсов.

ДЕНИС

(тихо, сам себе)

Мичман... Вася...

СЦЕНА 2

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ВЕЧЕР

Денис сидит за верстаком. Перед ним ноутбук, на экране – фотография надписи. Он приближает, рассматривает буквы, царапину с именем «Вася».

Рядом кружка с чаем, пар поднимается. Буржуйка потрескивает.

Иван Петрович сидит в углу, читает старую книгу. Тишина. Только капель и треск дров.

ДЕНИС

(не оборачиваясь)

Иван Петрович... А «Мичман 1968» – это кто?

Иван Петрович замирает. Поднимает глаза от книги. Медленно закрывает её, кладёт на стол.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Где ты это видел?

ДЕНИС

На стене. У заброшенного цеха. Там ещё «Вася» рядом нацарапано.

Иван Петрович встаёт, подходит к Денису, смотрит на экран. Долго. Очень долго.

Лицо его не меняется – оно всегда суровое. Но глаза... глаза становятся другими.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(тихо)

Васька-радист...

ДЕНИС

Вы его знали?

Иван Петрович молчит. Смотрит на экран. Потом отворачивается, идёт к буржуйке, подкидывает дров. Спиной к Денису.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Шестьдесят восьмой. Я тогда ещё не здесь был, на «Ленине» ходил. А Васька... Васька на всех стенах надписи рисовал. Говорил: «Чтобы помнили».

Пауза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты, Денис, эту стену сфоткал? Саму стену, не только надпись?

ДЕНИС

Нет. Только надпись.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

А надо бы. Вся стена – как книга. Кто здесь был, когда, что думал.

Он возвращается, садится напротив. Берёт папиросу, но не закуривает – крутит в пальцах.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Васька... Он всегда говорил: «Через пятьдесят лет кто-нибудь придет и поймает». Ну вот, приехал.

Денис смотрит на него, не понимая.

СЦЕНА 3

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис хочет спросить, что это значит, но в этот момент живот урчит – громко, на всю мастерскую.

Иван Петрович усмехается.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Голодный?

Денис смущённо кивает. Достает из рюкзака БАНКУ ТУШЁНКИ. Ту самую, с советским ГОСТом, коричневой этикеткой.

Иван Петрович смотрит на банку. Брови поднимаются.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ого... Я таких лет двадцать не видел.

Денис открывает банку. Крышка поддается с трудом. Наконец – щелчок.

ЗАПАХ.

Густой, мясной, жирный, с ноткой копчения и лаврового листа. Запах детства.

Денис застывает с банкой в руке.

СЦЕНА 4

ФЛЭШБЭК / ВОСПОМИНАНИЕ

Крупно: глаза Дениса. Они меняются – становятся детскими.

НАПЛЫВ:

ИНТ. СТАРАЯ КВАРТИРА, КУХНЯ – ДЕНЬ – 2000-Е

Солнечный свет. Маленький ДЕНИС (лет 7) сидит за столом. Напротив – ДЕД (НИКОЛАЙ), в клетчатой рубашке, с седыми усами.

На столе – банка тушёнки, хлеб, зелёный лук. Дед открывает банку старой алюминиевой ложкой с погнутым черенком.

ДЕД

(улыбаясь)

Держи, внук. Флотский паёк. Мы с такой всё Северное море прошли.

МАЛЕНЬКИЙ ДЕНИС

(с опаской)

А это вкусно?

ДЕД

(смеётся)

Ты попробуй. Это не просто мясо. Это память.

Маленький Денис пробует. Жуёт. Глаза загораются.

МАЛЕНЬКИЙ ДЕНИС

(с набитым ртом)

Вкусно!

Дед гладит его по голове.

ДЕД

Хочешь, компас подарю? Когда вырастешь. На Север поедешь – не заблудишься.

КОНЕЦ ФЛЭШБЭКА.

СЦЕНА 5

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ВЕЧЕР – ВОЗВРАТ

Денис стоит с банкой в руке. Глаза влажные. Моргает, прогоняя наваждение.

Садится. Достает из рюкзака ДЕДОВУ ЛОЖКУ – старую, алюминиевую, с буквой «К», выцарапанной на черенке.

Зачерпывает тушёнку, пробует. Жуёт медленно, с закрытыми глазами.

Иван Петрович смотрит на ложку. На банку. На Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(тихо)

Дедовская?

Денис кивает. Открывает глаза.

ДЕНИС

(хрипло)

Его Николай звали. Он на «Ленине» служил. В шестидесятых.

Иван Петрович замирает. Смотрит на Дениса долгим, пронзительным взглядом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(медленно)

Николай... Коля... А у него «Зенит» был? Фотоаппарат старый?

Денис застывает с ложкой в руке.

ДЕНИС

(не веря)

Был. Я его с собой привёз. А вы... откуда?

Иван Петрович не отвечает. Достает из кармана старый портсигар, из него – маленькую, потёртую фотографию. Протягивает Денису.

Денис берёт. Смотрит.

На фотографии – двое молодых парней в военно-морской форме конца шестидесятых. Стоят, обнявшись, жмурятся от солнца. Один держит бескозырку, другой – «Зенит».

На обороте надпись перьевой ручкой: «**Коле от Васи, 1968**».

У Дениса ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ДЫХАНИЕ.

Он смотрит на того, что с фотоаппаратом. Худой, улыбчивый, щурится от солнца.

Похож. Очень похож. На него самого.

ДЕНИС

(шёпотом)

Дед...

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(тихо)

Мы вместе на «Ленине» ходили. Я тогда юнгой был, они уже опытные. Васька метки рисовал по портам, а Коля его фоткал. И меня фоткал... Господи, Колька...

Он замолкает. Смотрит на фотографию, потом на Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Они не знали, что этот кто-то через пятьдесят лет – ты. А я, дурак старый, сразу не узнал...

СЦЕНА 6

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Они сидят за столом. Перед ними – две фотографии: старая, 1968 года, и новая – надпись «МИЧМАН 1968» на стене.

Иван Петрович курит, смотрит на огонь в буржуйке. Денис держит в руках дедову ложку.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты это... Ложку береги. И компас, если сохранился. Вещи помнят людей. Дольше, чем мы сами.

ДЕНИС

(тихо)

А компас... он у вас?

Иван Петрович смотрит на него долгим взглядом. Потом медленно кивает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

У меня. Твой дед когда-то дал. Сказал: «Внуку передашь, когда время придёт».

Пауза. Только капель и треск дров.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усмехается)

Время, видать, пришло.

Он тушит папиросу, поднимается. Идёт к старому шкафу, шарит рукой в щели за ним. Достает маленький предмет, завернутый в промасленную тряпку.

Кладёт на стол перед Денисом.

Денис разворачивает. В руках – СТАРЫЙ КОМПАС. Латунный, с потёртостями. На крышке гравировка: «**За усердие**».

Открывает крышку. Стрелка дрожит, показывает на север.

ДЕНИС

(хрипло)

Спасибо...

Иван Петрович кладёт руку ему на плечо. Тяжёлую, тёплую.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Не за что. Ты теперь вместо меня.

Садится на свой табурет. Смотрит на огонь.

ГУЛ реактора за окном – ровный, спокойный, живой.

Денис сжимает компас в руке. Смотрит на старую фотографию. На деда. На Васю.

ДЕНИС

(тихо)

Я сделаю, дед.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 6. Тетрадь Дорониной

СЦЕНА 1

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – УТРО

Серый свет сочится сквозь закопчённые окна. Буржуйка едва тлеет – ночь прошла, угли догорают.

Денис сидит за верстаком, перед ним – пустая банка из-под тушёнки (вчерашняя) и дедова ложка. Он смотрит на них, погружённый в свои мысли.

Скрип двери. Входит Иван Петрович. Снимает ушанку, стряхивает снег. Лицо сосредоточенное, даже суровее обычного.

Он проходит в глубину мастерской, к старому ШКАФУ. Тот стоит в углу, массивный, обшарпанный, с облупившейся краской. На дверцах – следы от множества наклеек, давно содранных.

Иван Петрович останавливается перед шкафом. Молчит. Денис оборачивается на скрип, смотрит на него.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Покопайся, если интересно.

Он кивает на шкаф. И уходит – выходит из мастерской, оставляя Дениса одного.

Денис смотрит на шкаф. Встаёт, подходит.

Дёргает дверцу. Она не поддаётся – заклинило. Он дёргает сильнее, с усилием – дверца с противным СКРИПОМ открывается.

Внутри – ПЫЛЬ. Толстый слой, годы, десятилетия. Папки, подшивки, рулоны кальки, какие-то коробки. Всё перекошено, свалено как попало.

Денис проводит пальцем по корешкам папок. Пыль остаётся на пальцах. Он вытирает о штаны, начинает перебирать.

СЦЕНА 2

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис копается в шкафу. Достает одну папку – внутри акты списания за 1983 год. Другую – чертежи какого-то дизеля, пожелтевшие, с пятнами масла. Третью – вообще непонятно что, рассыпается в руках.

Он уже хочет закрыть шкаф, как вдруг замечает в самом низу, почти на полу, что-то необычное.

Тетрадь. Не папка, не подшивка, а именно ТЕТРАДЬ. В ледериновой обложке, тёмно-синей, с потёртыми углами.

Денис достаёт её. Сдувает пыль. Открывает.

Почерк – мелкий, инженерный, с наклоном. Чертёж от руки, аккуратно вычерченный карандашом, с размерами, допусками, примечаниями на полях.

Денис листает. Схемы, расчёты, графики. Всё от руки, но как печатное – так раньше умели.

Он доходит до страницы, где чертёж узла, который кажется ему знакомым. Всматривается.

На полях – пометка ХИМИЧЕСКИМ КАРАНДАШОМ. Выцветшая, но читаемая.

КРУПНО: ПОМЕТКА

«Проблема теплораспределения при -40 не решена. Возникают микротрещины в обшивке. Требуется материал с КТР, близким к стали, но эластичный. Доронин, 1967».

Денис застывает. Смотрит на подпись.

ДЕНИС
(шёпотом)
Доронин...

СЦЕНА 3 ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис лихорадочно листает дальше. Сравнивает с тем, что помнит из современных распечаток.

На верстаке – его ноутбук, рядом стопка современных чертежей системы обогрева «Малахита». Он хватает один, подносит к тетради.

Схема узла – ОДИН В ОДИН. Линия в линию. Будто копировали, но полвека назад.

Он смотрит на проблему, описанную Дорониным: «микротрещины в обшивке». Потом переводит взгляд на современные распечатки, на раздел «Диагностика неисправностей». Там написано: «Нарушение герметичности контура обогрева вследствие микротрещин в зоне сварных швов».

Проблема – ТА ЖЕ. Спустя пятьдесят лет.

Денис откидывается на спинку стула. Смотрит в потолок.

Слышен только КАПЕЛЬ из крана и далёкий ГУЛ реактора.

Дверь скрипит. Входит Иван Петрович. Останавливается в дверях, смотрит на Дениса, на тетрадь в его руках.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Нашёл?

Денис кивает. Не может говорить.

Иван Петрович подходит, садится напротив. Берёт тетрадь, бережно, почти благоговейно. Листает, останавливается на той же странице, с пометкой. Читает.

Молчит долго. Очень долго.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(тихо)

Глеб Иванович... Царство ему небесное. Гениальный был инженер. Всю жизнь эту проблему решал. На бумаге. Материала не хватило. Понимаешь? Не технологии, не ума – просто материала нужного не было. Не придумали ещё.

Он закрывает тетрадь, гладит обложку ладонью.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Он эту тетрадь мне показывал, когда я ещё юнгой бегал. Говорил: «Запомни, Петрович. Если когда-нибудь появится материал, который держит холод как сталь, но гнётся как резина – возвращайся к этому узлу. Он спасёт не одну лодку».

Денис слушает, затаив дыхание.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

А материал всё не появлялся. И лодки старели, и инженеры уходили, а проблема оставалась. Ту самую систему обогрева, что Доронин придумал, поставили на «Малахит» только в двухтысячных. Но уже на новом технологическом уровне. Только корпус...

Он замолкает, смотрит в окно на ледокол.

ДЕНИС

(тихо)

Что корпус?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(поворачивается к нему)

Корпус с тех пор раз пять в доке стоял. Его «повело». Нагрузки, лёд, перепады. Он уже не тот, что по чертежам Доронина строили. Геометрия ушла на миллиметры. А для точной подгонки это смерть.

Денис смотрит на тетрадь, потом на современные чертежи.

ДЕНИС

(понимая)

То есть, даже если сделать идеальный узел по чертежам 67-го года...

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(перебывает)

...он не встанет. Потому что лодка уже другая. Доронин этого не учёл. Да и не мог – лодка новая была тогда.

Пауза. Тишина. Только КАПЕЛЬ.

Денис переводит взгляд на свои руки. На них – всё та же зелёная краска от варгейма.

ДЕНИС

(вдруг)

А если не по чертежам? Если перемерить всё как есть? Сейчас, с лазером, с точностью до микрона?

Иван Петрович смотрит на него с интересом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты про что?

ДЕНИС

(возбуждённо)

У меня дальномер есть. Лазерный. Я им для варгейма террейн меряю – чтобы детальки стыковались. Если на корпус выйти, снять фактические размеры, а потом пересчитать модель...

Иван Петрович молчит. Смотрит на Дениса долгим взглядом.

Потом кивает. Один раз. Коротко.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Рискнём.

Денис смотрит на него. В глазах – смесь страха и азарта.

СЦЕНА 4

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ЧУТЬ ПОЗЖЕ

Они сидят рядом за верстаком. Перед ними – открытая тетрадь Доронина и современные распечатки.

Иван Петрович водит пальцем по чертежу в тетради.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Смотри. Здесь узел крепления греющего мата. Доронин рассчитал идеально – для нового корпуса. А мы сейчас имеем то, что имеем. Если твой принтер сможет напечатать этот узел с учётом деформации – проблема решена.

ДЕНИС

(задумчиво)

А если деформация неравномерная? Если на правом борту одно, на левом – другое?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усмехается)

А вот это ты сам узнаешь, когда полезешь с дальномером в ледяную воду. Север – он экзамены принимает сурово.

Денис сглатывает. Но взгляд не отводит.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(серьёзно)

Но запомни, Денис. Мы не просто гайку чиним. Мы доронинскую задачу решаем. Если получится – пятьдесят лет инженерной боли закроем. Если нет...

Он разводит руками.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

...значит, не судьба. Но попытаться должны.

Он протягивает Денису тетрадь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Изучай. Сегодня ночью пойдём на ледокол. С дальномером.

Денис берёт тетрадь. Листает. Останавливается на странице с пометкой Доронина. Проводит пальцем по карандашным буквам.

ГОЛОС ДОРОНИНА (ЗА КАДРОМ) – воображаемый, как эхо из прошлого

«Требуется материал с КТР, близким к стали, но эластичный».

Денис смотрит на свои руки. На зелёную краску. Потом на ноутбук, где открыты характеристики РЕЕК-CF30.

ДЕНИС

(тихо)

Есть такой материал, Глеб Иванович. Есть.

СЦЕНА 5

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – НОЧЬ

Денис сидит за верстаком при свете одной лампы. Перед ним – тетрадь Доронина, ноутбук, лазерный дальномер.

Он листает тетрадь, делает пометки в блокноте. Сверяется с характеристиками на экране.

ГУЛ реактора слышен даже здесь. Ритмичный, ровный.

Иван Петрович сидит в углу, чинит старый хронометр. Молча. Иногда поднимает глаза на Дениса.

КАПАЕТ вода.

Денис откидывается на спинку стула, трёт глаза. Берёт дедову ложку (она всё ещё лежит на столе), крутит в руках.

ИВАН ПЕТРОВИЧ
(не поднимая головы)
Устал?

ДЕНИС
(через силу)
Нормально.

ИВАН ПЕТРОВИЧ
Не ври. Я полвека на Севере – вижу, когда человек на пределе. Иди поспи. Через два часа пойдём.

Денис смотрит на часы. Два часа ночи.

Встаёт, идёт к раскладушке. Падает на неё, даже не раздеваясь.

Закрывает глаза.

Тишина. Только ГУЛ, КАПЕЛЬ и ТРЕСК углей в буржуйке.

ДЕНИС
(сквозь сон, бормочет)
Коэффициент теплового расширения... 2.5 на десять в минус пятой...

Иван Петрович смотрит на него. Качает головой – молодёжь. Улыбается одними глазами.

Берёт свой старый китель, накидывает на Дениса.

Возвращается на своё место, берёт хронометр. Но не чинит – смотрит на Дениса, на тетрадь Дорониной на столе, на ноутбук.

Где-то далеко ГУДИТ ледокол.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 7. Визит начальства

СЦЕНА 1

НАТ. ТЕРРИТОРИЯ СРЗ – ДЕНЬ

Серое небо, ветер, привычный уже пейзаж. Но что-то изменилось.

У проходной – ЧЁРНЫЙ МИКРОАВТОБУС с тонированными стёклами. Рядом – две «Тойоты» с московскими номерами. Охранники навытяжку, хотя обычно они сидят в будке и пьют чай.

Денис идёт от мастерской к пирсу. Замечает суету, останавливается.

К проходной подходят ЛЮДИ. Впереди – СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ (45 лет). Дорогой чёрный пуховик, меховая опушка на капюшоне, лицо холёное, но усталое. Глаза цепкие, но в них – глубокая, застарелая усталость человека, который давно делает не то, что хочет.

За ним – группа: двое в дорогих пальто (МОСКОВСКИЕ ЧИНОВНИКИ), ещё двое – с восточными лицами, в строгих костюмах, говорят по-русски с акцентом (КИТАЙЦЫ). Замыкает шествие АЛИСА (24 года) – стильный пуховик, шарф крупной вязки, в руках зеркалка. Она что-то записывает в блокнот на ходу, но глаза её бегают по сторонам – она здесь впервые, ей всё интересно.

Сергей Викторович останавливается, смотрит на пирсы, на краны, на ледоколы. Достает дорожную пачку сигарет, но не закуривает – просто держит в руке.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(одному из чиновников)

Когда последний раз здесь были? В девяностом? Девяносто пятом?

ЧИНОВНИК

(пожимая плечами)

В две тысячи пятнадцатом, Сергей Викторович. На запуске «Арктики».

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(кивает)

Да, «Арктика»... Красавица была. А это...

Он смотрит на «Малахит». Чёрная громада, обледеневшая, с красными лампами, которые видны даже с берега в окнах рубки.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

...это уже музей. Скоро.

СЦЕНА 2

НАТ. ПИРС, ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Делегация подходит к трапу. Иван Петрович уже там – стоит, ждёт. Лицо каменное. Форма парадная? Нет, та же старая роба, но чистая. Медали не надел.

Сергей Викторович подходит, протягивает руку. Иван Петрович пожимает – сухо, но с достоинством.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Здравствуйте, Иван Петрович. Давно не виделись.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(ровно)

Здравствуйте, Сергей Викторович. Проходите.

Они поднимаются на борт. Денис стоит в стороне, наблюдает. Алиса замечает его – выделяет из толпы. Что-то в нём есть – не такой, как все. Она чуть заметно улыбается, но Денис не видит – смотрит на начальство.

СЦЕНА 3

ИНТ. ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ», ОТСЕК УПРАВЛЕНИЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Делегация втискивается в тесный отсек. Красные лампы горят ярко – их много, они мигают, создавая тревожную атмосферу.

Сергей Викторович смотрит на пульт. На красные лампы. На механика, который стоит в углу и старается не отсвечивать.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(тихо, почти себе)

Красавец... Жалко.

Он поворачивается к Ивану Петровичу.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Сколько?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(спокойно)

Три контура из четырёх не держат. Если чинить – месяц-два. Если не чинить – до лета дотянет, а там...

Он разводит руками.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

А если по-крупному? Новый узел, с завода?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Полгода. Если завод возьмётся. А они не берутся – у них свои планы.

Сергей Викторович кивает. Подходит к пульта, проводит пальцем по красной лампе. Смотрит на неё, как на живое существо.

Китайцы переговариваются между собой на своём языке. Один из них, СТАРШИЙ (лет 50, гладкое лицо, дорогой костюм), подходит к Сергею Викторовичу.

КИТАЕЦ СТАРШИЙ

(с акцентом)

Сергей Викторович, это тот ледокол, о котором мы говорили?

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(коротко)

Да.

КИТАЕЦ СТАРШИЙ

Проблемы серьёзные?

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Решаемые. Вопрос экономической целесообразности.

Они отходят в сторону, говорят вполголоса. Денис, стоящий в коридоре, краем уха ловит обрывки.

КИТАЕЦ СТАРШИЙ

Наши партнёры заинтересованы в транзите. Если ледокол не выйдет в навигацию...

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Выйдет. Или другой выйдет.

КИТАЕЦ СТАРШИЙ

Другой – это деньги. Новые контракты. Мы готовы обсуждать, но...

Они уходят дальше, голоса стихают.

Денис стоит, смотрит на красные лампы. Рядом появляется Механик.

МЕХАНИК

(тихо, Денису)

Слышал? Турецкий док за пять миллиардов. Им проще новый купить, чем этот лечить.

ДЕНИС

(так же тихо)

А китайцы?

МЕХАНИК

(усмехается)

Китайцы – они всегда рядом, когда бабло пахнет. Транзит у них, понимаешь. Севморпуть. А чинить наши ледоколы они не будут. Им свои строй.

СЦЕНА 4

ИНТ. ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ», КОРИДОР – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Алиса отделилась от группы. Она ходит по коридору, фотографирует детали – старые таблички, вентили, облупившуюся краску. В объектив попадает Денис.

Она поднимает глаза.

АЛИСА

(с лёгкой улыбкой)

Вы здесь работаете?

ДЕНИС

(немного растерянно)

Практикант. Денис.

АЛИСА

Алиса. Пресс-служба. Можно просто Алиса.

Она оглядывается, понижает голос.

АЛИСА

Слушайте, Денис, а где здесь можно найти что-то живое? Для репортажа. Не эти красные лампы и не начальственные лица. А чтобы душа была.

Денис смотрит на неё. В глазах – смесь любопытства и лёгкой иронии. Она умная, это видно. Не похожа на офисных.

ДЕНИС

(подумав)

А вы на стены смотрели? Снаружи, где граффити старые?

АЛИСА

(заинтересованно)

Где?

ДЕНИС

Там, за цехом заброшенным. Там одна надпись есть... «МИЧМАН 1968». Интересная история.

Он хочет сказать ещё что-то, но в этот момент в коридоре появляется КИРИЛЛ (28 лет, красивый, уверенный, в дорогом пуховике, явно не местный). Он подходит к Алисе, кладёт руку ей на плечо собственническим жестом.

КИРИЛЛ

Алис, мы ужинаем сегодня? Там в городе ресторан с нормальной кухней. Не то что эта... – он кивает на обстановку, – романтика Севера.

Алиса сбрасывает его руку. Смотрит на Дениса, потом на Кирилла.

АЛИСА

Я перезвоню.

КИРИЛЛ

(с лёгким недоумением)

Ну, как хочешь. Мы через час уезжаем, если что.

Он уходит. Алиса смотрит ему вслед, потом снова на Дениса.

АЛИСА

(усмехаясь)

Кирилл. Сын замминистра. Он пять минут рассказывал, какой у него пуховик технологичный. А про ледакол спросил, работает ли тут Wi-Fi.

Денис не знает, что ответить. Просто кивает.

АЛИСА

Так где стена?

ДЕНИС

Я провожу. Если успеете до отъезда.

АЛИСА

(решительно)

Успею.

СЦЕНА 5

НАТ. СТЕНА ЗАБРОШЕННОГО ЦЕХА – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Они стоят перед стеной. Алиса снимает – крупно, общим планом, детали. Профессионально, с разных ракурсов.

АЛИСА

(не отрываясь от видеоискателя)

Это потрясающе... Как геологический срез. Пятидесятые, шестидесятые, девяностые, нулевые...

ДЕНИС

(кивает на надпись)

Вот, смотрите. «МИЧМАН 1968». Рядом «Вася» нацарапано.

Алиса подходит, снимает крупно. Потом опускает камеру, смотрит на Дениса.

АЛИСА

А вы откуда знаете? Про Васю?

ДЕНИС

Иван Петрович рассказал. Старый механик. Он здесь полвека.

АЛИСА

(внимательно)

Тот самый, с суровым лицом и папиросой?

ДЕНИС

(улыбается)

Да. Он вообще... легенда.

АЛИСА

(смотрит на него)

А вы? Тоже легендой хотите стать?

ДЕНИС

(смущённо)

Я просто практику прохожу. Учусь.

АЛИСА

Учиться – хорошо. Главное – не разучиться видеть.

Она снова поднимает камеру, снимает Дениса. Он отворачивается, но поздно – щелчок уже прозвучал.

АЛИСА

(улыбаясь)

Будет для архива. «Практикант Денис на фоне вечности».

СЦЕНА 6

НАТ. ПИРС – ПОЗЖЕ

Делегация грузится в микроавтобус. Сергей Викторович стоит у машины, смотрит на ледокол. Иван Петрович рядом.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(тихо, не оборачиваясь)

Иван Петрович, я понимаю, что вы обо мне думаете. Имеете право. Но скажите честно – есть шанс?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(пауза)

Шанс есть всегда, Сергей Викторович. Вопрос цены.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

(горько усмехается)

Цена... Мне контракт на полмиллиарда подписывать на той неделе. Турецкий док, китайские инвестиции. Если я сейчас скажу, что мы сами починим, меня...

Он не договаривает. Машет рукой.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Ладно. Думайте. Если что – звоните.

Он садится в машину. Дверь захлопывается.

Алиса уже в машине, но смотрит в окно на Дениса, который стоит у пирса. Их взгляды встречаются на секунду. Она чуть заметно улыбается.

Машины уезжают.

Денис остаётся один. Подходит к Ивану Петровичу.

ДЕНИС

Он что, раньше инженером был?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(удивлённо)

Откуда знаешь?

ДЕНИС

Алиса сказала. Она в пресс-службе.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кивает)

Был. На дизельных начинал. Толковый был инженер. Пока не понял, что карьере так не сделаешь.

Он закуривает, смотрит вслед уехавшим машинам.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Теперь вот контракты рубит. А ледоколы списывает. И глаза усталые. Думаешь, легко ему?

Денис молчит. Смотрит на ледокол.

Красные лампы всё так же горят в окнах рубки.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 8. Знакомство с Алисой

СЦЕНА 1

НАТ. ПИРС, ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – ДЕНЬ

Делегация уехала. Пирс опустел. Только чайки кричат, носятся над водой, и ветер гоняет позёмку по бетону.

Денис стоит у трапа, смотрит на уходящие машины. В руках – телефон, но он не смотрит в него. Смотрит в точку, где скрылся микроавтобус.

Сзади раздаются шаги. Он оборачивается.

По пирсу идёт АЛИСА. Одна. Пуховик расстёгнут, шарф развевается на ветру, в руках зеркала. Она догоняет его, чуть запыхавшись.

АЛИСА

(улыбаясь)

Успела? Я сказала, что забыла снять кое-что для репортажа. Кирилл недоволен, но... – она машет рукой, – переживёт.

Денис смотрит на неё, не зная, что сказать.

АЛИСА

(продолжает)

Вы обещали показать, где тут живая легенда водится. Иван Петрович, кажется? Я хочу с ним поговорить. Для репортажа. Но не официально, а... по-человечески.

ДЕНИС

(опомнившись)

Да, конечно. Он в мастерской обычно. Я провожу.

Они идут по территории завода. Алиса смотрит по сторонам, впитывает атмосферу. Останавливается, снимает кран, облепленный льдом. Потом – ржавую бочку, из которой торчит арматура.

АЛИСА

(не оборачиваясь)

Знаете, я думала, здесь будет депрессивно. А здесь... – она ищет слово, – ...настояще. В Москве всё прилизано, всё для картинки. А здесь – как есть.

ДЕНИС

(усмехается)

Даже слишком как есть.

АЛИСА

(поворачивается к нему)

А вы сами откуда?

ДЕНИС

Из Москвы. На практику приехал.

АЛИСА

(с интересом)

И как вам?

ДЕНИС

(пожимает плечами)

Привыкаю.

Алиса смотрит на него внимательно. Потом снова поднимает камеру, снимает его. Денис отворачивается, но поздно.

АЛИСА

Не дёргайтесь. Это для истории. «Практикант Денис в естественной среде обитания».

Она смеётся. Денис невольно улыбается.

СЦЕНА 2

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Они входят в мастерскую. Тепло, пахнет машинным маслом, табаком и немного тушёной (банка всё ещё стоит на столе). Буржуйка потрескивает.

Иван Петрович сидит за верстаком, чинит какой-то прибор. Поднимает глаза на вошедших.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(сухо)

А, пресса. Забыли что-то?

АЛИСА

(с лучезарной улыбкой)

Здравствуйте, Иван Петрович. Можно просто Алиса. Я хотела поговорить. Не для протокола, а... ну, чтобы понять. Вы здесь легенда, говорят.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(хмыкает)

Легенда... Ржавая, как те краны.

Он откладывает прибор, жестом приглашает садиться. Алиса садится на табурет, оглядывается. Видит календарь 1985 года, плакаты, китель с медалями, старую фотографию на стене.

АЛИСА

(восхищённо)

У вас здесь музей.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(спокойно)

Не музей. Жизнь.

Алиса достаёт диктофон, кладёт на стол.

АЛИСА

Можно? Я не для цитат, просто чтобы не записывать. Мне правда интересно.

Иван Петрович кивает. Алиса включает диктофон.

АЛИСА

Расскажите, как вы сюда попали. И почему остались на пятьдесят лет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(закуривает папиросу)

Попал? По распределению. Семьдесят пятый год. Молодой был, глупый. Думал, год-два и вернусь на Большую землю. А потом... – он замолкает, смотрит в окно на ледокол, – ...потом понял, что не могу без этого гула. Без запаха соляры. Без людей. Здесь люди другие.

АЛИСА

(тихо)

Какие?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Настоящие. Не потому что Север очищает, как в книжках пишут. А потому что здесь не спрячешься. Если ты дурак – все увидят. Если ты мудака – никто не поможет. А если ты человек – к тебе потянутся. Просто.

Алиса слушает, забыв про диктофон.

Денис стоит в стороне, смотрит на них. Потом подходит к столу, берёт тетрадь Дорониной, листает.

АЛИСА

(заметив)

А это что?

ДЕНИС

(подаёт тетрадь)

Тетрадь одного инженера. Шестидесятые годы. Он тут проблему описал, которую до сих пор не решили.

Алиса берёт тетрадь, осторожно листает. Чертежи от руки, пометки карандашом.

АЛИСА

(изумлённо)

Это же... это же гениально. И никто не решил?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(вмешивается)

Материала не было. А теперь, может, и будет. Вон Денис со своим принтером.

Алиса смотрит на Дениса с новым интересом.

АЛИСА

У вас 3D-принтер? Здесь?

ДЕНИС

(смущённо)

Да, небольшой. Для варгейма.

АЛИСА

(непонимающе)

Для чего?

ДЕНИС

(улыбаясь)

Игры такие. Солдатики. Я фигурки крашу, а для них террейн печатаю. Ну, ландшафт.

Алиса смотрит на него с любопытством. Потом переводит взгляд на стол, где стоит недокрашенный космодесантник.

АЛИСА

(подходя)

Можно посмотреть?

Денис кивает. Алиса берёт фигурку, вертит в руках. Краска местами неровная, но видна тщательная работа.

АЛИСА

Красиво. А почему не докрасил?

ДЕНИС

(пауза)

Не успел. Собрался и поехал. Думал, здесь не до того будет.

АЛИСА

А оказалось?

Денис смотрит на неё. В её глазах – не праздное любопытство, а настоящий интерес.

ДЕНИС

А оказалось, что варгейм тут ни при чём. Тут другое.

АЛИСА

Что?

ДЕНИС

(пожимает плечами)

Не знаю пока. Может, то, что Иван Петрович сказал: настоящие люди. И дело, которое не терпит фальши.

СЦЕНА 3

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ЧУТЬ ПОЗЖЕ

Алиса сидит за верстаком, листает тетрадь Доронина. Иван Петрович курит у окна. Денис показывает ей фотографии на ноутбуке – надпись «МИЧМАН 1968», виды порта.

АЛИСА

(глядя на экран)

Здорово. Вы снимаете?

ДЕНИС

(пожимает плечами)

Любитель.

АЛИСА

(всматриваясь)

Нет, тут есть взгляд. Вы видите детали, которые другие не замечают.

Она отрывается от экрана, смотрит на Дениса.

АЛИСА

Знаете, я ведь не просто так сюда поехала. Мне надоело писать про открытия и презентации, где все врут. Захотелось увидеть, как на самом деле. А здесь... – она обводит рукой мастерскую, – здесь не врут.

Денис молчит, но внутри что-то откликается.

В этот момент дверь мастерской открывается без стука. На пороге – КИРИЛЛ. Лицо недовольное, пуховик расстёгнут, щёки красные с мороза.

КИРИЛЛ

(резко)

Алис, ты где пропадаешь? Мы уезжаем через десять минут. Сергей Викторович уже в машине.

Алиса медленно поднимается. Смотрит на Кирилла без особого тепла.

АЛИСА

(спокойно)

Я сейчас подойду.

КИРИЛЛ

(бросает взгляд на Дениса, на тетрадь, на ноутбук)

Что тут интересного? Ржавчина и старые бумажки. Поехали, там ресторан нормальный, люди ждут.

АЛИСА

(жёстко)

Я сказала – подойду.

Кирилл смотрит на неё, хочет что-то сказать, но сдерживается. Разворачивается и выходит, громко хлопнув дверью.

Тишина. Алиса стоит, смотрит на закрытую дверь. Потом поворачивается к Денису.

АЛИСА

(с лёгкой усмешкой)

Простите. Он не всегда такой. На самом деле он... – она замолкает, подбирая слова, – ... он другой, когда мы одни. Но здесь... здесь он теряется. Не понимает, зачем я это смотрю.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(из угла, спокойно)

А ты понимаешь?

Алиса смотрит на него. Потом на Дениса. Потом снова на тетрадь.

АЛИСА

(тихо)

Кажется, да.

Она подходит к Денису, протягивает руку.

АЛИСА

Спасибо. За экскурсию. Может, ещё увидимся?

ДЕНИС

(пожимая руку)

Может быть.

Алиса задерживает его руку на секунду дольше, чем нужно. Потом отпускает, поправляет шарф, идёт к двери.

У выхода оборачивается.

АЛИСА

Кстати, Денис... Вы знали, что Сергей Викторович тоже начинал инженером? На дизельных. Мне его зам рассказывал. Говорит, талантливый был. А потом ушёл в карьеру.

Она выходит.

Дверь закрывается.

Денис стоит, смотрит на дверь. Потом переводит взгляд на свою руку, которую только что держала Алиса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Хорошая девчонка. Не сломалась ещё.

Денис подходит к столу, садится. Берёт фигурку космодесантника, крутит в руках.

ДЕНИС

(тихо)

Почему люди уходят из инженерии?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(затягиваясь)

Денег мало. Почёта нет. Карьера быстрее делается, если отчёты писать, а не гайки крутить. Сергей Викторович – типичный случай. Хороший был инженер. А теперь ледоколы списывает.

Пауза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Только знаешь, Денис, он счастлив? Я вот смотрю на него – не похоже. Глаза пустые. А у меня, старика, – он кивает на ледокол за окном, – есть ради чего просыпаться.

Денис смотрит на фигурку. Ставит её обратно на стол, рядом с тетрадью Доронина.

ДЕНИС

(тихо)

Я понял.

СЦЕНА 4

НАТ. ПИРС – ВЕЧЕР

Денис стоит у пирса. Смотрит на «Малахит». Красные лампы всё так же горят в окнах рубки.

Где-то далеко, за сопками, начинается слабое зелёное свечение – северное сияние только разгорается.

К нему подходит Иван Петрович. Встаёт рядом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Сияние. Смотри.

Денис смотрит на небо. Полосы зелёного и фиолетового медленно танцуют, отражаются в чёрной воде.

ДЕНИС

(вспоминая)

Вы говорили – как секс. Пока сам не увидишь, не поймёшь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усмехается)

Понял?

Денис молчит. Просто смотрит.

Сияние разгорается всё ярче.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 9. Решение

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – НОЧЬ

За окнами – чернота полярной ночи. Ветер завывает в трубе. В мастерской тихо – только ПОТРЕСКИВАНИЕ дров в буржуйке, КАПЕЛЬ из крана и едва слышный, постоянный ГУЛ реактора.

ДЕНИС и ИВАН ПЕТРОВИЧ сидят за верстаком. Между ними – открытая ТЕТРАДЬ ДОРОНИНА. Рядом – ноутбук Дениса, лазерный дальномер, дедова ложка, фигурка космодесантника.

Свет от одной лампы выхватывает из темноты только их лица.

Иван Петрович курит «Беломор». Пепел стряхивает в пустую банку из-под тушёнки.

Денис листает тетрадь, останавливается на странице с пометкой. Читает вслух, медленно:

ДЕНИС

(читает)

«Проблема теплораспределения при -40 не решена. Возникают микротрещины в обшивке. Требуется материал с КТР, близким к стали, но эластичный. Доронин, 1967».

Поднимает глаза на Ивана Петровича.

ДЕНИС

Пятьдесят девять лет назад. Проблема та же.

Иван Петрович выдыхает дым, смотрит на тетрадь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Глеб Иванович всё рассчитал. Кроме одного – материала не было.

Денис колеблется секунду. Потом решается.

ДЕНИС

А если... попробовать сейчас?

Иван Петрович переводит взгляд на него. Без удивления. Ждёт.

ДЕНИС

(быстро, но чётко)

У меня принтер. Материал – РЕЕК. Держит до минус шестидесяти, прочность как у алюминия, коэффициент расширения близок к стали. Если пересчитать узел под печать, учесть деформацию корпуса...

Замолкает. Иван Петрович молчит. Смотрит на тетрадь Доронина, потом на окно – там, в темноте, чернеет «Малахит». Красные лампы в рубке горят.

Тишина затягивается. Слышно только КАПЕЛЬ и ТРЕСК ДРОВ.

Иван Петрович поднимается, подходит к окну. Стоит, глядя на ледакол. Спина прямая, но в плечах – усталость.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Ты понимаешь, что предлагаешь?

ДЕНИС

(тихо)

Понимаю.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Если не получится – «Малахит» спишут. Люди без работы. Я без работы.

Денис молчит.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(оборачиваясь)

А если получится?

ДЕНИС

(твёрдо)

Если получится – докажем, что Доронин не зря тетрадь писал.

Иван Петрович смотрит на него долгим взглядом. Возвращается к столу, садится напротив.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Рискнём.

У Дениса отвисает челюсть.

ДЕНИС

(не веря)

Правда?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(жёстко)

Но ты ничего не знаешь. Слышишь? Если что пойдёт не так – я старый, мне терять нечего. Ты скажешь – я заставил. Понял?

Денис хочет возразить, но Иван Петрович останавливает жестом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Я сказал – понял?

ДЕНИС

(тихо)

Понял.

Иван Петрович кивает. Откидывается на спинку стула, закуривает. Руки чуть дрожат – от возраста, от напряжения.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(уже спокойнее)

Рассказывай. Что нужно, сколько времени, какие риски.

Денис разворачивает ноутбук, начинает показывать. На экране – 3D-модель узла.

ДЕНИС

(тычет в экран)

Вот узел по чертежам Доронина. Но корпус деформировался. Нужно выйти на ледокол, снять фактические размеры лазером. Пересчитать модель. Потом печать. Потом – постобработка.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(вскидывает бровь)

Пост... что?

ДЕНИС

(улыбается)

Нагрев. Чтобы снять внутренние напряжения. Я так фигурки обрабатываю – феном грею, чтобы не повело.

Иван Петрович смотрит на него с новым интересом. Усмехается.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Феном, значит... Глеб Иванович бы оценил. Он тоже любил из подручных средств колхозить.

Пауза. Иван Петрович тушит папиросу, смотрит на Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(серьёзно)

Если получится, Денис, ты станешь инженером. Не диплом получишь – станешь. Понимаешь разницу?

Денис кивает. Понимает.

Иван Петрович встаёт, подходит к окну. Смотрит на «Малахит».

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Завтра ночью идём. С дальномером. Я прикрою.

ДЕНИС

А если заметят?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усмехается)

Заметят – значит, судьба. Но не заметят. Механик в доле.

Иван Петрович возвращается к столу, берёт фигурку космодесантника, рассматривает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(просто)

Красивая игрушка. Руками сделана. Это ценится.

Ставит фигурку обратно, рядом с тетрадью Доронина.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ложись спать. Завтра тяжёлый день.

Идёт к выходу. У двери оборачивается.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Денис... Я верю в людей. В материал, в расчёты – наполовину. В людей – целиком.

Выходит.

Денис остаётся один. Смотрит на тетрадь, на фигурку, на свои руки – с зелёной краской под ногтями.

Потом переводит взгляд на окно. Там, в темноте, горят красные огни «Малахита».

ГУЛ реактора. КАПЕЛЬ. ТРЕСК ДРОВ.

Денис закрывает ноутбук. Ложится на раскладушку, укрывается кителем. Смотрит в потолок.

ГОЛОС ИВАНА ПЕТРОВИЧА (ЗА КАДРОМ)

Если ты хочешь – получится.

Денис закрывает глаза.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 10. Склад. Находка

СЦЕНА 1

НАТ. ТЕРРИТОРИЯ СРЗ – ДЕНЬ

Серый свет. Денис идёт по территории завода один. В руке – листок с нацарапанным адресом: «Склад №7, за нефтебазой, у старого пирса».

Он уже далеко от мастерской. Здесь почти никто не ходит – снег нетронутый, только редкие следы техники, уже замёрзшие, занесённые.

Впереди – ОГРОМНЫЙ АНГАР из профнастила. Ржавый, с дырявой крышей, из которой торчат ледяные сталактиты. Вокруг – сугробы по пояс, старые бочки, ржавые трубы, обломки каких-то механизмов.

Денис останавливается. Смотрит на ангар.

ГОЛОС МЕХАНИКА (ЗА КАДРОМ) – из предыдущей главы, воспоминание

«Там старьё всякое. Ещё с советских времён. Если повезёт – найдёшь свой композит. Если не повезёт – мышей наловишь».

Денис усмехается, поправляет рюкзак, идёт к двери.

Дверь – огромная, металлическая, сдвижная. Замка нет – только ржавая труба, вставленная в проушины. Денис с трудом вытаскивает её, наваливается плечом.

Дверь со СКРЕЖЕТОМ открывается. Изнутри несёт холодом, пылью, ржавчиной и чем-то ещё – старым деревом, мазутом, временем.

СЦЕНА 2

ИНТ. СТАРЫЙ СКЛАД – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Денис входит внутрь. За ним – полоса серого света из открытой двери, но она быстро гаснет в темноте.

Темнота. Абсолютная, густая, как вода.

Денис шарит по рюкзаку, достаёт ФОНАРИК. Щёлкает – луч вырывает из темноты кусок пространства.

Огромное помещение. Высокие сводчатые потолки, теряющиеся в темноте. Бесконечные СТЕЛЛАЖИ, уходящие вглубь. Ящики, коробки, рулоны, какие-то детали, механизмы, запчасти. Всё покрыто пылью и паутиной.

Луч фонаря скользит по стеллажам, выхватывает отдельные предметы: старый комбинезон, висящий на крюке как призрак; ржавый вентиль размером с колесо; штабель досок, рассыпавшихся от времени; чей-то ботинок, одинокий, с оторванной подошвой.

Холод здесь такой же, как снаружи. Даже хуже – ветер гуляет свободно, задувает через дыры в крыше, свистит в щелях.

Денис идёт вдоль стеллажей, вода фонарём. Ищет маркировки, надписи, хоть что-то, что поможет найти композит.

СНЕГ ХРУСТИТ под ногами – его намело внутрь.

СЦЕНА 3 **ИНТ. СТАРЫЙ СКЛАД – ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Денис углубляется в склад. Ряды стеллажей тянутся бесконечно. На некоторых – таблички с надписями от руки: «Эл. двигатели 1973», «Трубы 15/4», «Разное», «Абразив».

Он идёт по проходу, читает таблички. «Композиты» нигде нет.

Вдруг луч фонаря выхватывает что-то необычное. Денис возвращается назад, светит.

В углу, за одним из стеллажей, – узкое пространство. Там что-то белеет.

Денис протискивается между стеллажом и стеной. Снег здесь глубже, проваливается. Он подходит ближе, направляет луч.

На стене, на уровне глаз, приколотая канцелярской кнопкой СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ.

Кнопка проржавела, но держится. Фотография выцвела, но изображение видно.

Денис смотрит. Сердце пропускает удар.

На фотографии – двое молодых парней в военно-морской форме конца шестидесятых. Стоят, обнявшись, жмурятся от солнца – солнца, которого здесь не бывает. Смеются. Один держит бескозырку, другой – фотоаппарат. Старый «Зенит».

Денис дрожащей рукой достаёт фотографию из-под жвачки. Переворачивает.

На обороте – надпись перьевой ручкой, выцветшими чернилами:

«Коле от Васи, 1968»

У Дениса ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ДЫХАНИЕ.

Он смотрит на лица. Вглядывается в того, что с фотоаппаратом. Худой, улыбчивый, щурится от солнца.

Похож. Очень похож. На него самого.

Коля. Николай. Дед.

Денис стоит в темноте, при свете одного фонаря, с фотографией в руках. Вокруг – холод, пыль, паутина, ржавчина, забытые вещи.

А у него в руках – дед. Живой. Улыбающийся. Молодой.

Он проводит пальцем по лицу на фотографии. По щеке, по глазам, по бескозырке.

ДЕНИС
(шёпотом)
Дед...

Голос срывается.

Тишина. Только СВИСТ ВЕТРА в дырявой крыше и его собственное ДЫХАНИЕ.

Он стоит так долго. Очень долго. Просто смотрит.

СЦЕНА 4 **ИНТ. СТАРЫЙ СКЛАД – ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Денис приходит в себя. Дышит глубоко. Прячет фотографию во ВНУТРЕННИЙ КАРМАН КУРТКИ – туда, где бьётся сердце.

Проверяет – лежит. Чувствует её там, у самого тела.

Теперь нужно искать материал. Он здесь не просто так.

Он продолжает путь по складу, но теперь идёт механически. Мысли – там, у сердца, где лежит фотография.

Через несколько рядов он находит то, что искал.

На стеллаже – аккуратные коробки с современными этикетками. Явно не советские. Видно, что привезли недавно, но бросили, забыли.

Денис светит на коробку. Читает:

«ARKPEEK-CF30. Композит на основе полиэфирэфиркетона с 30% углеволокна. Рабочие температуры: -60°C до +260°C»

Он открывает коробку. Внутри – аккуратные брикеты материала, запаянные в вакуумную плёнку. Как новые.

Денис берёт один брикет. Тяжёлый, плотный. Чувствуется – серьёзная вещь.

Он кладёт материал в рюкзак. Закрывает коробку, ставит на место.

Оглядывается на проход, откуда пришёл. Там, в темноте, осталась стена с ржавой кнопкой.

ДЕНИС

(тихо)

Спасибо, Вася.

СЦЕНА 5

ИНТ. СТАРЫЙ СКЛАД – ПУТЬ НАЗАД

Денис идёт к выходу. Луч фонаря прыгает по стеллажам, по призрачным робам, по ржавым механизмам.

Он останавливается на секунду, оборачивается. Смотрит в темноту, откуда пришёл.

Там, где он нашёл фотографию, – ничего не видно. Только стеллажи, ящики, тьма.

Денис трогает рукой карман, где лежит фотография. Чувствует её через ткань.

Идёт дальше.

Выходит из ангара. Щурится от серого дневного света – после темноты склада он кажется ярким.

Дверь с лязгом закрывается за спиной. Он вставляет ржавую трубу обратно в проушины.

Стоит, смотрит на ангар. Потом на небо. Серое, плоское, бесконечное.

Достаёт из кармана фотографию, снова смотрит. Дед смеётся, жмурится на солнце. Вася обнимает его за плечи.

ДЕНИС

(тихо, глядя на фото)

Я здесь, дед. Я приехал.

ВЕТЕР задувает, треплет фотографию. Денис прячет её обратно, поближе к сердцу.

Идёт по снегу обратно, к мастерской.

Один. Маленькая фигура среди огромных кранов, ржавых ангаров, белого снега и серого неба.

Но в кармане, у сердца, – дед. И Вася. И 1968 год.

СЦЕНА 6

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ВЕЧЕР

Денис входит в мастерскую. Иван Петрович сидит за верстаком, чинит тот же хронометр. Поднимает глаза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Нашёл?

Денис кивает. Снимает рюкзак, достаёт брикет материала, кладёт на стол.

Иван Петрович берёт его, рассматривает. Чувствуется – он понимает, что это серьёзно.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Хороший материал. Дорогой, наверное.

ДЕНИС

(рассеянно)

Наверное.

Он садится на табурет. Смотрит в одну точку.

Иван Петрович замечает, что с ним что-то не так.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(осторожно)

Денис? Что случилось?

Денис поднимает глаза. Долго молчит. Потом лезет во внутренний карман, достаёт фотографию. Протягивает Ивану Петровичу.

Тот берёт, смотрит. Долго. Очень долго.

Лицо его меняется. Впервые за всё время – не суровое, не каменное, а живое. Глаза теплеют, становятся влажными.

Он проводит пальцем по лицам. По Васе. По Коле.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(хрипло)

Господи... Васька-радист... Мичман 1968... А это... Это ж Коля... Твой дед.

Он поднимает глаза на Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Мы вместе на «Ленине» ходили. Я тогда юнгой был, они уже опытные. Васька метки рисовал по портам, а Коля его фоткал. И меня фоткал... Господи, Колька...

Он замолкает. Смотрит на фотографию.

В мастерской тишина. Только КАПЕЛЬ и далёкий ГУДОК ледокола.

Денис сидит, смотрит на Ивана Петровича. Понимает, что сейчас произошло что-то очень важное. Что время сомкнулось вокруг них троих.

Иван Петрович протягивает ему фотографию.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(тихо)

Береги. Это теперь твоё.

Денис берёт фотографию, смотрит на неё. Потом на Ивана Петровича.

ДЕНИС

(тихо)

Вы его знали?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кивает)

Знал. Хороший был человек. Весёлый. Васю всё фоткал. Говорил: «Для истории». А Васька... Васька говорил: «Через пятьдесят лет кто-то придет и увидит».

Пауза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Они не знали, что этот кто-то – ты. А я, дурак старый, сразу не узнал. Только когда ты про компас сказал...

Он замолкает. Смотрит в окно на «Малахит».

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ну вот, Коля. Внук твой приехал. Ледокол спасать. Ты бы гордился.

Денис смотрит на фотографию. Потом прячет её обратно, во внутренний карман.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глава 11. Первая неудача

СЦЕНА 1

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – НОЧЬ

Принтер работает. Монотонное ЖУЖЖАНИЕ заполняет мастерскую. Денис сидит перед ним, не отрывая глаз от экрана. На счётчике: 95%... 96%... 97%...

Иван Петрович стоит у окна, курит, смотрит на «Малахит». Не оборачивается.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Сколько?

ДЕНИС

(не отрываясь)

Девяносто восемь.

Пауза. Только ЖУЖЖАНИЕ и КАПЕЛЬ.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Волнуешься?

ДЕНИС

(помолчав)

Да.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Правильно.

Он затягивается, выдыхает дым в темноту за окном.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Если не волнуешься – значит, не понимаешь цены.

На счётчике: 99%... 100%.

Принтер издаёт короткий сигнал. Замолкает.

Денис вскакивает, открывает камеру. Внутри – готовая ДЕТАЛЬ. Идеальная, блестящая, с лёгким отливом углеволокна.

Он осторожно достаёт её. Деталь тяжёлая, прохладная, гладкая. Он вертит её в руках, рассматривает со всех сторон.

ДЕНИС

(восхищённо)

Получилось...

Иван Петрович подходит, берёт деталь. Тоже рассматривает. Взвешивает на руке.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Красивая... Как новая. Даже лучше новой.

Он возвращает деталь Денису.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Пошли. Проверим.

Денис кивает. Они одеваются, выходят в ночь.

СЦЕНА 2

НАТ. ПИРС, ЛЕДОКОЛ «МАЛАХИТ» – НОЧЬ

Темнота. Ветер. Денис и Иван Петрович идут по пирсу. Денис прижимает деталь к груди, прячет от ветра.

Поднимаются на борт. Проходят по палубе к тому месту, где крепится проблемный узел.

Иван Петрович светит фонариком. Денис подносит деталь к креплениям.

И...

НИЧЕГО.

Отверстия НЕ СОВПАДАЮТ. На миллиметр. Может, на полтора. Но не совпадают.

Денис пробует повернуть деталь – нет. Пробует надавить – бесполезно.

ДЕНИС

(не веря)

Не может быть... Я же по чертежам делал. Всё точно...

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(спокойно)

Дай сюда.

Он берёт деталь, сам пробует приложить. Смотрит на зазоры. Светит фонариком на крепления, на корпус.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Корпус.

ДЕНИС

(не понимая)

Что – корпус?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(терпеливо)

Померить его надо было. Живой корпус. А не чертёж пятьдесят лет назад.

Денис смотрит на него. В глазах – бешенство. На себя.

ДЕНИС

(зло)

Я думал... Я думал, если точно по чертежу...

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(перебивает)

Чертёж – это бумага. А лодка – живая. Её за пятьдесят лет повело. Льдами, перепадами, нагрузками. Она уже не та, что Доронин рисовал.

Денис молчит. Сжимает деталь в руках.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Дай сюда.

Денис отдаёт деталь. Иван Петрович пробует подточить край напильником – бесполезно. Напильник скользит по композиту, не берёт. А если и возьмёт – нарушится баланс, геометрия, всё пойдёт насмарку.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(констатирует)

Не подточишь. Прочный материал.

Он возвращает деталь Денису.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Вот тебе и первая наука, Денис. Теория – теорией, а практика – практикой.

Денис стоит, смотрит на деталь. На идеальную, прекрасную, абсолютно бесполезную деталь.

ДЕНИС

(тихо)

Что теперь?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(пожимает плечами)

Теперь – делать новую. Померив корпус.

Он хлопает Дениса по плечу.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Пошли. Замёрзнешь тут.

Они уходят.

СЦЕНА 3

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – НОЧЬ

Денис сидит за верстаком. Перед ним – бесполезная деталь. Он смотрит на неё, не отрываясь.

Иван Петрович разжигает буржуйку, ставит чайник.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(не оборачиваясь)

Не убивайся. Все через это проходят.

ДЕНИС

(глухо)

Я идиот.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(оборачиваясь)

Нет. Ты просто молодой. Идиот – это кто на те же грабли второй раз наступает. А ты – в первый.

Он садится напротив, смотрит на Дениса.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Что понял?

Денис поднимает глаза.

ДЕНИС

(после паузы)

Что чертёж – не истина. Что корпус живой.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(кивает)

Ещё?

ДЕНИС

Что нужно мерить. Всё мерить. Самому.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ещё.

Денис думает.

ДЕНИС

Что материал – это только половина дела.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(усмехается)

Близко. Но не совсем.

Он закуривает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Ты понял, что инженерия – это не про то, чтобы сделать красиво. Это про то, чтобы работало. А работает оно только тогда, когда ты учиываешь реальность. Со всей её кривизной.

Денис смотрит на деталь. Берёт её в руки.

ДЕНИС

(тихо)

Красивая, да?

ИВАН ПЕТРОВИЧ

(спокойно)

Красивая. Бесполезная. Как женщина, которая не любит.

Денис невольно улыбается. Первый раз за вечер.

СЦЕНА 4

ИНТ. МАСТЕРСКАЯ – ПОЗДНЯЯ НОЧЬ

Денис сидит за ноутбуком. Открыл чертёж, но не смотрит в него. Смотрит на деталь.

Иван Петрович уже ушёл – сказал, что утром встретятся. Денис остался один.

Он берёт деталь, подносит к свету. Проводит пальцем по идеальной поверхности.

Потом ставит её на стол, рядом с фигуркой космодесантника.

Две вещи, сделанные руками. Одна – для игры. Другая – для дела. Обе – бесполезные сейчас.

Денис смотрит на них.

ДЕНИС

(тихо)

Ну и что, брат? – это фигурке. – Тоже не с первого раза получилось?

Он берёт фигурку, рассматривает. Где-то под краской видны следы шпаклёвки, зашлифованные неровности.

ДЕНИС

(продолжая разговор с фигуркой)

Я тебя три раза переделывал, помнишь? А потом ещё шпаклевал, грунтовал...

Он ставит фигурку обратно.

ДЕНИС

Значит, и эту переделаю.

Он закрывает ноутбук. Ложится на раскладушку. Смотрит в потолок.

ГУЛ реактора. КАПЕЛЬ. ВЕТЕР за окном.

Рука тянется к карману, где лежит фотография. Нашупывает через ткань. Дед. Вася. 1968 год.

ДЕНИС

(шёпотом)

Я не сдамся, дед. Обещаю.

Закрывает глаза.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.